РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ

***Виктор ГРОШЕВ**, полковник в отставке.*

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Страницы воспоминаний. (Окончание. Начало см. «Симбирскъ» №6 – 2023)

И СНОВА В АРМЕЙСКОМ СТРОЮ

В Коврове, в запасной кавбригаде, куда я прибыл, все офицерские должности оказались заполненными, и меня направили в город Татарск Новосибирской области. Здесь я был назначен командиром маршевого эскадрона 5-го полка 3-й запасной бригады – эскадрона, готовящегося отправиться на фронт.

О жизни в Татарске с февраля по август 1944-го можно было бы вспомнить много интересного – как служебного, так и личного. Здесь, к примеру, я встретился с С.П. Журбой (находились вместе в рейде по тылам врага, о чём он написал так и не изданную книгу). Он написал из Татарска письмо И.В. Сталину с просьбой отправить «батьку» Журбу на фронт. Ходатайство удовлетворили, несмотря на то, что Савва Петрович потерял в упоминаемом рейде глаз. Войну он заканчивал на Эльбе, командуя моим родным полком.

Я тоже подавал два рапорта о направлении меня на фронт. На втором рапорте появилась вот такая резолюция: «Если у вас бумаги много, пишите ещё».

Но главное – там, в Татарске, я познакомился со школьницей Людой Голенкиной, папа которой, как потом оказалось, возглавлял штаб бригады. Я обратил на неё внимание сначала на концерте 23 февраля, где она участвовала в солдатской пляске бригадного ансамбля, а затем на танцах в офицерском клубе. Мои друзья-офицеры (Миша Шурупов, Саша Попов, Иван Путилин) стали подзуживать, что мне слабо пригласить её на танец. Этого я стерпеть не мог. Приглашение последовало. Посмотрев на меня, Мила сказала: «Боюсь, что у нас ничего не выйдет». Я ответил: «Давайте попробуем, может быть, всё-таки получится». (И в конечном счёте получилось.)

Виктор Грошев (в центре) с однополчанами. 1944

После этого были как бы случайные, а ближе к лету уже планируемые встречи. Мы часто общались на волейбольной площадке, один раз я даже был приглашён к ней домой.

В марте меня вызвали в штаб бригады, где я получил приказ ехать на фронт, но только в качестве начальника маршевого эшелона. В вагоны загрузили личный состав двух эскадронов, продовольствие, фураж и полудиких лошадей-монголок. Движение к передовой было быстрым, но не обошлось без ЧП. Несколько солдат ударились в бега (дезертировали), во время выводки вырвались и исчезли две или три лошади, во время одной из остановок был ограблен пристанционный ларёк (бойцы были разные, вплоть до бывших уголовников). Но всё обошлось: акт о приёмке личного и конского состава был оформлен без упоминания потерь. Пополнение я сдал в 3-й гв. кавкорпус генерала Осляковского. Однако моё личное ходатайство остаться на фронте отклонили.

Нагрузившись оставшимися продуктами, мы с замполитом отправились в обратный путь. Командировочных дней у нас осталось много, поэтому было решено навестить родные места. И вот я опять дома, в Карсуне. Пять дней пролетели шумно и весело. Провожали меня в обратный путь сёстры Катя и Нина, до десятка карсунских ребят и девчат. На таволжанской горе я разрядил в воздух целую обойму, просалютовав таким образом родному Карсуну.

Потом с болью в сердце и в одиночестве зашагал в сторону Вешкаймы. На пути в Татарск на пару дней заскочил в Ленинское навестить своих госпитальных и местных знакомых. Но в точно определённый день мы с замполитом докладывали начштаба бригады подполковнику Б.А. Голенкину (Будущий тесть автора. – *Ред.)* о выполнении поставленной задачи и получили за хорошо выполненную работу благодарность.

Где-то в апреле 1944-го проводилось бригадное штабное учение. Мне было приказано прибыть в штаб, где поручили вести карту обстановки и участвовать в составлении отдельных документов. Делал я это, видимо, неплохо. Был замечен, и вскоре меня зачислили в штат оперативного отделения штаба бригады. Началась моя штабная служба, и продолжилось «закрепление» романа с Милой Голенкиной.

Рутинная служба шла до августа 1944-го. Мои сердечные дела были не на последнем месте. В это время моей девушкой заинтересовался появившийся в бригаде молодой младший лейтенант – баянист, поэтому приходилось всё держать на контроле.

В начале августа в составе группы офицеров я отправился в белорусский город Борисов, куда передислоцировалась наша бригада. В 17 км от Борисова был военный городок Печи, где у немцев во время оккупации размещалась разведывательно-диверсионная школа. Здесь я как квартирмейстер участвовал и в подборе квартиры для начальника штаба бригады. Подобрал её на третьем этаже одного из домов офицерского состава. Себе комнату выбрал в квартире рядом, так что балкон у нас получился общим.

Через несколько недель стали прибывать первые эшелоны с личным составом и имуществом бригады. Моя «агентура» доложила, что младший лейтенант Володя по-прежнему крутится около Милы. Было, естественно, выяснение отношений (разумеется, с девушкой), но всё уладилось. Вскоре Мила стала работать в штабе бригады и учиться в Борисовском педучилище.

Между тем служба моя шла успешно, любовь наша с Милой крепла, я стал вхож в семью Голенкиных, подружился с 17-летним братом Милы Игорем. А в ноябре мы решили пожениться. Родители Милы оказались «за», мои – тоже (родные в Карсуне были уже в курсе моих амурных дел, фотография Милы там присутствовала). Днём нашего вступления в семейную жизнь стало 25 ноября 1944 года. С утра старшина Лоханев повёз нас на паре гнедых, запряжённых цугом (лошадь за лошадью), в городской ЗАГС Борисова. Помнится, что организация эта размещалась на втором этаже полуразрушенного здания (ведь ещё шла война).

Войдя в нужную комнату, я на эмоциональном подъеме ещё и схохмил: «А где здесь разводятся?». Оформив официально наши отношения, мы заехали на местный рынок и оттуда отправились домой. На вечернем немноголюдном свадебном ужине собрались близкие друзья и несколько сослуживцев по штабу бригады. Тёща Елизавета Логиновна, накрывая стол с девушкой-домработницей, постаралась на славу, чтобы гостям было что выпить и закусить.

Вскоре в стене между моей комнатой и квартирой Голенкиных была обустроена дверь. Так мы зажили одной семьёй в пятикомнатной квартире. Кстати, мне крупно повезло с тёщей – прекрасной матерью и хозяйкой, которую я стал звать мамой. Она была добрым и душевным человеком, вкусно готовила, любила петь, могла составить компанию в преферансе, но главное – искренне любила своих внуков (наших детей[1]), которые не один год (особенно Марина) жили под крылом бабушки и дедушки Голенкиных и в Иванове, и в Сычёвке, и в Смоленске, и в Алабине, и в Москве, куда они переезжали как семья военного на жительство, пока мы кружили по заграницам. Что касается тестя Бориса Александровича, которого я называл папой, он был, безусловно, человеком неординарным: умным, цепким и настойчивым, хорошим организатором, а ещё – заботливым и любящим отцом и дедом. Но излишние себялюбие и амбициозность приводили его подчас к трениям с родными, товарищами и подчинёнными.

Наступил победный 1945 год. Служба шла своим чередом. В семье мы уже ждали первенца. В апреле мне вновь было приказано возглавить эшелон с пополнением для фронта, а конкретно – для моего 2-го гв. кавполка. Мне тогда подумалось, что уж в своём-то корпусе я сумею остаться на передовой, хотя война шла к своему завершению.

Наш эшелон без особых осложнений двигался через Польшу и уже поверженную Германию. В самом начале мая мы были где-то в пригороде Берлина. На передачу-приём воинского контингента и товаро-материальных ценностей, оформление всех документов ушло 2–3 дня. Мои робкие попытки остаться в корпусе положительного решения не нашли.

8 мая у Бранденбургских ворот мы с моим помощником-офицером и ординарцем стали свидетелями парада войск союзников. Официальная же весть об окончании войны застала меня уже на обратном пути, в поезде. Людская всеобщая радость хлестала через край. В открытые окна вагонов салютовали все, кто имел оружие (я тоже). Конечно, Великая Отечественная война лично для меня оказалась не очень масштабной, иногда непонятной и путаной, но с постоянной верой в нашу победу. В рукопашную и с шашкой наголо я не ходил, но видел наступающего, обороняющегося и удирающего противника. Стрелял в заклятого врага сам, поднимал на него свой взвод, решал с людьми, которыми довелось командовать, и другие боевые задачи – в частности, разведывательные. Пришлось немного и попартизанить, находясь в рейде. И я счастлив, что удалось внести пусть небольшую лепту в Победу наших Вооружённых сил и советского народа в войне. Думаю, что воевал я достойно, себя не жалел, о смерти в бою особо не думал. И, конечно, рад, что остался жив...

Тогда, в мае 1945-го, из Германии обратно поездом до белорусского Борисова мы добрались дней через десять.

В июне я заболел инфекционной желтухой, был отправлен в госпиталь.

Жена Мила на тарантасе, запряжённом лошадкой, часто меня навещала. Но послевоенные дороги пребывали в ужасном состоянии, и в одну из таких поездок её так растрясло, что она принялась рожать. Так 1 июля преждевременно на свет появилась наша первая дочка Марина. Когда мне об этом сообщили, я прорвался к начальнику госпиталя, который разрешил мне на день отправиться домой. Наша радость была безмерной, но тревожной: уж слишком крохотный недоношенный человечек родился.

Летом того же года нас навестила моя сестра Нина (из родительского дома она привезла одеяльце, которым в младенчестве укрывали меня), а из Москвы приехали в гости бабушка Сима (мать тестя Бориса Александровича) и юноша Володя – сын тёти Жени.

ВПЕРЕДИ – СНОВА СЛУЖБА ОТЕЧЕСТВУ

Итак, кончилась война, создалась собственная семья. Нужно было думать о будущем. Мне была предложена учёба в Краснознамённой Высшей кавалерийской школе им С.М. Будённого. Так я очутился в Москве, а Мила с дочкой Мариной и её родителями стали готовиться к переезду в Иваново. Тестю предстояло занять должность начальника военной кафедры химико-технологического института. Кстати, моя родня по линии жены происходила из ивановских краёв. Тесть ещё до войны стал создателем и долгие последующие годы начальником Ивановской кавалерийской школы, а тёща была родом из Лежнева под Ивановом.

Из Борисова вместе с нашей семьёй в Иваново отправилась собственная лошадь Бориса Александровича и трофейная автомашина.

В Москве во время учёбы в кавалерийской школе я жил один, но иногда приезжал и в Лежнево, где все жили в доме бабушки, а затем и в Иваново.

Кавшколу я окончил в 1946-м с отличием и денежной наградой от С.М. Будённого, получив назначение на должность заместителя начальника разведотделения 6-й кавдивизии в Алма-Ате. Поехали мы с Милой в этот далёкий край вдвоём, а в 1947 году к нам подъехала тёща Елизавета Логиновна с нашей деткой. В том же году в дивизию поступила разнарядка на подбор двух кандидатов на учёбу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Такую возможность я упустить не мог. Командование дивизии пошло мне навстречу. В штабе округа в Ташкенте сдал предварительные экзамены, и вот мы опять в Иванове, а потом я один – в Москве.

Начались вступительные экзамены в академии. Всё шло нормально, хотя и без особого блеска. Остался один экзамен по географии. Во время моего ответа в аудиторию вошёл заместитель начальника академии по учебным вопросам. И предложил мне по слепой карте водным путём (реки, каналы, озёра) пройти из Балтийского моря в Чёрное. Ну я и «поплыл». В результате – двойка. Мандатной комиссией в приёме в академию мне было отказано. Попросил комиссию предоставить мне возможность доказать, что я способен успешно освоить академическую учебную программу. В списке зачисленных в академию моей фамилии всё равно не оказалось. Но зачитали список принятых «условно»: там значился и я. Через пару недель пересдаю экзамен по географии и становлюсь полноценным слушателем Краснознамённой орденов Ленина, Суворова и Октябрьской революции Военной академии им. М.В. Фрунзе!

Учёба в академии давалась легко: память моя была молодой и цепкой. Подчас в ход шли шпаргалки, которые я искусно творил. Много времени отдавал спорту (русский хоккей, футбол, волейбол, лёгкая атлетика), свидетельством чему были многочисленные грамоты. Первый год учёбы жил в общежитии.

Когда подросла вторая дочка Таня, родившаяся в Иванове 29 мая 1948 года, Мила приехала с ней ко мне (Марина оставалась с бабушкой). Мы стали снимать углы на Б. Дорогомиловской, в Оболенском переулке. Заканчивал я учёбу, проживая снова в академическом общежитии на улице Бурденко.

Три года учёбы прошли интересно и как-то незаметно. Учился я практически без четвёрок, госэкзамены в 1950-м году сдал на пятёрки и получил диплом с отличием, с приложением к нему золотой медали с изображением И.В. Сталина. На радостях сразу позвонил в Сычёвку (Смоленская область. – *Ред.)*, где у своих родителей в ту пору жила Мила с девочками, а тесть Борис Александрович служил военным комиссаром.

Вроде бы между прочим сообщил, что заработал жене на шубу, так как за диплом с отличием полагалось три премиальных оклада. И действительно, первая в её жизни шуба «под котика» (стриженый кролик, покрашенный в чёрный цвет) была куплена.

В академии я учился на разведфакультете и был аттестован на должность начальника разведки